

На правах рукописи

Коблова Наталия Андреевна

**ЖЕНЩИНЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Пенза – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Пензенский государственный университет» на кафедре «История России и методика преподавания истории»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **Сухова Ольга Александровна**

Официальные оппоненты:

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), Центр гендерных исследований, главный научный сотрудник;

Гусева Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», отдел истории, главный научный сотрудник - заведующий отделом.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга.

Защита диссертации состоится 19 декабря 2025 года в 12:00 час. на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.030.02 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет», федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» по адресу: г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет, корпус 22 в, зал заседаний, аудитория Л-13.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», https://ssau.ru/resources/dis_protection/koblova.

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Леонтьева Ольга Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется необходимостью осмысления роли женщин в публичном пространстве в условиях возрастающей геополитической нестабильности и новых вызовов национальной безопасности. Современная государственная политика подчеркивает значимость женского участия в развитии институтов гражданского общества и продвижении традиционных духовно-нравственных ценностей.

Решение данной задачи возможно через обращение к историческому опыту социальной активности женщин в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв., периода, когда традиционная патриархальная культура сочеталась с процессами общественной модернизации. Вместе с тем отечественная историография пока не располагает целостным видением гендерных аспектов развития публичного пространства, особенно на региональном уровне. Существующие исследования носят фрагментарный характер, освещая отдельные стороны проблемы, что препятствует созданию системного представления о специфике женского социального служения. Это предопределяет необходимость комплексного анализа опыта провинциальных практик, их факторов, форм и направленности.

Объектом исследования выступает публичное пространство провинциального сообщества, понимаемое как среда для солидаризации и социально-политического взаимодействия, а также как совокупность институтов, форм, практик коммуникации, самореализации, самоопределения и формирования идентичности.

Предметом исследования являются практики социального и духовно-нравственного служения и общественно-политической активности женщин российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (на примере Пензенской губернии).

Хронологические рамки исследования охватывают период от середины XIX века до 1917 года. При этом нижняя граница захватывает период участия России в Крымской войне и появление предпосылок роста социальной активности провинциалок. Верхний рубеж определяется началом Великой российской революции и кардинальными изменениями в политико-правовой сфере общественного развития.

Территориальные рамки исследования охватывают границы Пензенской губернии. Специфику социокультурного развития края в эпоху эмансипации определяла прочность традиций корпоративной солидарности, исподволь формировавших образы «дворянского гнезда», а, стало быть, доминанты элитарной культуры, с одной стороны, и «общинного архетипа», с другой. В этих условиях миссия женского участия строилась на широком базисе идеологии просветительства в направлении преодоления социокультурного разлома посредством масштабирования практик социального и духовно-нравственного служения.

Степень разработанности темы исследования. В отечественной историографии проблематики, объединяющей различные аспекты женской

социальной активности в российской истории второй половины XIX – начала XX вв., можно условно выделить три этапа: пореформенный (1860-е – 1917 гг.), советский (1918 – 1980-е) и постсоветский или современный (1990-е – первые десятилетия 2000-х гг.).

Первые признаки оформления социального запроса на изучение фемининности в российской публицистике относятся к 1860-м гг.¹ Следующее десятилетие ознаменовано появлением «Русских женщин Нового времени»², по сути являвшихся литературно-историческим произведением. Собственно исторические же исследования появляются позже – в 1880-1890-х гг.³ В силу своей исключительности в центре внимания исследователей оказались формы общественной деятельности, традиционно не свойственные слабому полу («гусар-девка»; «георгиевский кавалер из женщин»⁴).

В этот же период появляется плеяда исследователей, разрабатывающих проблему равноправия женщин в вопросах брачно-семейных отношений, что заложило основы изучения законодательства рубежа XIX–XX вв. в сфере женской эмансипации⁵. Самостоятельным направлением исследований становится разработка проблемы женского образования⁶. Собственно, и решение «женского вопроса» в российской публицистике виделось в первую очередь как снятие ограничений в доступе женщин к образованию⁷.

Изучение истории общественных объединений в отечественной историографии также относится к 1880-м гг., впрочем, без акцента на выделение

¹ См.: Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 473–500; № 5. С. 89–106; № 8. С. 335–350; Лесков Н. С. Русские женщины и эмансипация // Русская речь. 1861. № 44. С. 89–106; № 8. С. 335–350; Летова К. К., Куренкова Е. А. «Женский вопрос» и женское движение в России в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 135.

² Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 11. Москва, 1996.

³ Есипов Г. В. Амазонская рота при Екатерине II // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. Январь. С. 71–75; Лашманов Ф. Ф. Надежда Андреевна Дурова // Русская старина. 1890. Т. 67. Вып. 9. С. 657–663; Некрасова Е. С. Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица-кавалерист, Александров). 1783–1866 // Исторический вестник. 1890. Т. XLI. Июль. С. 585–612.

⁴ Лашманов Ф. Ф. Указ. соч. С. 658.

⁵ Кулишер М. И. Развод и положение женщины. Санкт-Петербург, 1896; Кулишер М. И. Развод и положение женщины: зависимость семейных отношений от общественного строя. Изд-е 2-е репр. Москва, 2011; Добровольский В. И. Брак и развод: Очерк по русскому брачному праву. Санкт-Петербург, 1903.

⁶ См., например: Лихачева Е. О. Материалы по истории женского образования в России. Т. 4. (1856–1880). Санкт-Петербург, 1901; и др.

⁷ Стоюнин В. Я. Образование русской женщины (По поводу двадцатипятилетия русских женских гимназий) // Исторический вестник. 1883. Т. XII. № 4. С. 125–153; Зинченко Н. Е. Женское образование в России. Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1901; Мижухов П. Г. Влияние народного образования на народные богатство, здоровье и нравственность, и другие стороны общественной жизни. Санкт-Петербург, 1901; Мижухов П. Г. Женский вопрос и женское движение. Санкт-Петербург, 1906.

гендерных аспектов проблемы⁸. Непосредственное участие женщин в революционных событиях начала XX века обусловило появление интеллектуального отклика на первые победы в деле организационного строительства женского движения, проведения 1-го Всероссийского женского съезда и т.д.⁹

Крушение монархии в 1917 г. было воспринято как победоносное завершение вековой борьбы против подчинения мужчинам. Новой миссией женщин провозглашалась защита свободы¹⁰. В недрах феминистского движения окончательно утвердилась новая женская субъектность – осознание себя «собственной освободительницей»¹¹. В исследованиях первых постреволюционных десятилетий манифестировался принципиальный разрыв между пролетарским и буржуазным подходами к регламентации положения женщины в деле «реализации ее прав и освобождения». Основу пролетарского видения проблемы составляло преодоление частного и активное осваивание публичной сферы¹².

Несмотря на, казалось бы, преемственность этапов освободительного движения в российской истории и признания ключевого значения женского участия в Революции, в статусе самостоятельного предмета исследования женщинам было отказано: исследований монографического характера по истории женского движения почти не проводилось¹³. Результатом эмансипации «буржуазной женщины» от домашне-хозяйственных обязанностей считалось вовлечение женского труда в «сферу капиталистической эксплуатации»¹⁴. Единственным исключением следует назвать работу С. О. Цедербаума, посвященную генезису новых типов самореализации: от «народоволок» до «социал-демократок» и «работниц-революционерок»¹⁵. Следует отметить сохранение интереса к истории общественных организаций XIX в., выступавших в исследованиях базами развития общественной мысли, в том числе с активным женским участием¹⁶. В официальном дискурсе это объяснялось полным решением «женского вопроса» в СССР: признание заслуг женского движения в

⁸ К истории Московского английского клуба // Русский архив. 1889. Т. 27. С. 85–98.

⁹ Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. Москва, 1905; Петражицкий Л. И. О пользе политических прав женщин. Санкт-Петербург, 1907.

¹⁰ Тыркова А. В. Освобождение женщины. Петроград, 1917.

¹¹ Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. Санкт-Петербург, 2007. С. 443.

¹² Курская А. С. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности // Коммунистка. Москва, 1923. № 8. С. 10–11; Рашин А. Г. Женский труд в СССР. Москва, 1928. Вып. 1; Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение: хрестоматия / под редакцией и с введением Клары Цеткин. Москва–Ленинград, 1929; Ковалев К. Н. Историческое развитие быта женщины, брака и семьи // Вопросы пола, полового воспитания, брака и семьи. Альбом. Ч. 3. Москва, 1931; и др.

¹³ Юкина И. И. От дам-патронесс до женотделовок ... С. 9.

¹⁴ Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. Москва, 1937. С. 113–162.

¹⁵ Цедербаум С. О. Женщина в русском революционном движении (1870–1905). Ленинград, 1927.

¹⁶ Аронсон М. И., Рейсер С. А. (сост.). Литературные кружки и салоны. Ленинград, 1929. С. 18.

подготовке и проведении революции, установление полного равенства мужчин и женщин и фактического раскрепощения женщины¹⁷. Эта концепция сохранила свое доминирующее положение и в период 1960-х – 1980-х гг., хотя общая база исследований, посвященных проблемам участия женщин в освободительном движении и «завоеванию женских масс» большевиками, серьезно пополнилась¹⁸.

Идеологически табуированными с позиций марксистской методологии оставались социально-психологические и культурно-религиозные аспекты общественной деятельности женщин¹⁹. Отметим также более высокую результативность разработок в сфере истории добровольных ассоциаций, не вызывавших явного идеологического диссонанса²⁰.

Начало методологического поворота в изучении женского общественного движения приходится на 1990-е гг. – начало 2000-х гг., что объясняется освоением интеллектуального багажа зарубежного гуманитарного знания и выходом исследований на междисциплинарный уровень.

Женский мир как особая, структурно организованная часть российского дворянского социума XVIII – начала XIX века, ключевой элемент культурного пространства, раскрывается в трудах Ю. М. Лотмана²¹.

Основоположником российского направления *women studies* является Н. Л. Пушкарева, разработавшая системную модель социокультурной эволюции семейного статуса женщины в X – начале XIX вв., методологические основы антропологии повседневности²².

Основная масса работ конца 1980-х – 1990-х гг. посвящена истории женского вопроса и женскому движению середины XIX – начала XX века. В начале 2000-х гг. формируется тренд на разработку истории женского протестного движения на уровне диссертационных исследований²³.

¹⁷ Бильшай В. Л. Решение женского вопроса в СССР. Москва, 1956. (2-е изд-е – 1959 г.)

¹⁸ См., в частности: Сердитова С. Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903–1917). Москва, 1959; Гришина З. В. Союз равноправности женщин (1905–1908) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. Москва, 1977. С. 255–272; Чирков П. М. Решение женского вопроса в СССР. (1917–1937 гг.). Москва, 1978; и др.

¹⁹ Пушкарева Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. Москва, 2002. С. 30–31.

²⁰ См., например: Щиглик А. И. Добровольные общества в переходный период от капитализма к социализму // Вопросы теории и истории общественных организаций. Москва, 1971. С. 173–231; Степанский А. Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–209; и др.

²¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург, 1994.

²² Пушкарева Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: дис. ... д-ра. ист. наук. Москва, 1997; Пушкарева Н. Л. Гендерная история и историческое знание. Санкт-Петербург, 2007.

²³ Айвазова С. Г. Женщины и лозунг «Свобода! равенство! братство!» // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 174–183; Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории: документальные материалы). Москва, 1998; Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994; Мартыненко Н. К. Женское движение в России во второй половине XIX – начале XX вв.:

Методологический плюрализм позволил авторам пересмотреть установки концепции женского потока в революционно-демократическом движении и ввести в научную практику применение понятия «феминизм»²⁴.

В первом десятилетии нового века поиск новаций в этом направлении продолжился и оформился в ранге самостоятельного направления научных исследований²⁵. Экстремальные практики женской повседневности в периоды военных конфликтов проанализировал П. П. Щербинин²⁶.

В начале 2020-х гг. изучение вопросов женской социальной активности переходит на новый теоретический уровень – осмысления факторов формирования и устойчивости культурно-исторической традиции в периоды социокультурных трансформаций; дихотомии интимного и публичного²⁷. Так, Н. Л. Пушкарёва, рассматривая национальные особенности реализации «великой инициативы феминизма» в XIX – начале XX в., отмечает недостаток опыта коллективных действий; отсутствие противопоставления мужским инициативам и жесткого гендерного обособления на организационном уровне²⁸. Генезис феминистского движения, его цели, внутренние ресурсы, идеологию, рассматривает в своей монографии И. И. Юкина²⁹.

В современной историографии четко выражена тенденция к регионализации проблемы. Первоначально в фокусе внимания исследователей оказалась история общественных организаций в целом³⁰, а затем

дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002; Рабжаева М. В. Женская эмансипация в России: эксперименты по гендерному конструированию // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения (Санкт-Петербург, 13–15 декабря 2001 г.) / составитель Г. А. Тишкин. Санкт-Петербург, 2001. С. 26–29; Юкина И. И. Историко-социологический анализ женского движения России середины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2000; и др.

²⁴ Пушкарёва Н. Л., Пушкарёва И. М. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии) // Российская история. 2017. № 5. С. 76.

²⁵ Ельникова Г. А. Духовные и социокультурные основания российского феминизма: дис. ... д-ра. социол. наук. Белгород, 2004; Фалько Е. И. Русское Женское Взаимно-Благотворительное общество, 1895 – 1918 гг.: Реконструкция документального комплекса: дис. ...канд. ист. наук. Москва, 2003.

²⁶ Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004; Его же. Баба с газетой: Как жила черноземная провинция во время войны с Японией // Родина. 2004. № 4. С. 95–97; Его же. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник ТГУ. Вып. 3 (35). 2004. С. 42–49.

²⁷ XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи XVIII в. / под ред. Н. Т. Пахсарьян. Санкт-Петербург, 2021.

²⁸ Пушкарёва Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 г. ... С. 16–25; Пушкарёва Н. Л., Пушкарёва И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27.

²⁹ Юкина И. И. Указ. соч.

³⁰ Туманова А. С. Неполитические общественные организации г. Тамбова в нач. XX в. (1900–1917): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996; Кабытова Н. Н. Власть и общественные организации Поволжья в 1917 году: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 1999.

непосредственно женского движения³¹. Постепенно в региональной историографии происходит закрепление женского движения как самостоятельного предмета исследований³².

Региональный аспект изучения публичного пространства Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века представлен работами Н. Г. Карнишиной, Н. В. Малышевой, Н. А. Разуваевой, О. В. Добровой, В. Н. Паршиной, А. В. Митрофанова и др.³³ Разрабатываются вопросы генезиса, предпосылок развития, специфики формирования провинциальной публичности, информационного пространства, благотворительной деятельности³⁴. Стоит отметить, что проблемы гражданской солидаризации и формирования добровольных ассоциаций в российской провинции разрабатываются без учета гендерной специфики.

В зарубежной историографии переход на уровень осмысления специфики русской культуры происходит в конце 1960-х гг.³⁵ В 1978 г. выходит монография Ричарда Стайтса, посвященная изучению либерального женского движения в России³⁶. В общем русле набиравшего популярность направления *Women and Gender Studies* в 1970-х – 1980-х гг. русский феминизм рассматривался как часть

³¹ Казанцева С. Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX вв. 1890–1914: На материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний: дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2003; Долидович О. М. Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006; и др.

³² См. например: Петайкина М. В. Становление женских социальных и политических движений в Саратовской, Самарской и Симбирской губерниях в начале XX века: 1900–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2009.

³³ Малышева Н. В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998; Карнишина Н. Г. Столица и провинция. Российская политическая культура 1860-х – 1890-х гг. Пенза, 1999; Разуваева Н. А. История российской благотворительности во второй половине XIX – начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006; Доброва О. В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Паршина В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007; Карнишина Н. Г. Периодическая печать Российской империи пореформенного периода второй половины XIX в. в контексте проблемы взаимодействия власти и общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 3–9; Митрофанов А. В. Общественные организации конфессионального характера в Саратовской и Пензенской губерниях в 1860-е – 1890-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2019 и др.

³⁴ Карнишина Н. Г., Карнишин В. Ю. Информационная среда провинциальной России конца XIX – начала XX в.: методология исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (49). С. 15–22.

³⁵ Gasiorowska X. *Women in Soviet Fiction, 1917–1964*. Madison; London, 1968.

³⁶ Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia. Femenism, Nigilism and Bolshevism. 1860–1930*. Princeton (N.J.), 1978. В русском переводе книга появилась только в начале 2000-х гг. См.: Стайтс Р. Указ. соч.

всемирного движения женщин, отмеченная ярко выраженной спецификой³⁷. В качестве примера следует отметить работы Б. А. Энгел, посвященные проблеме утверждения радикального направления в феминизме³⁸, а также К. Портер³⁹.

В 1981 г. Линда Эдмондсон защитила диссертацию на тему: «Феминизм в России 1900–1917», впоследствии опубликованную в формате монографии⁴⁰. На острие методологических новаций выполнена монография Роуз Гликман по истории производственной и бытовой повседневности работниц в имперской России⁴¹. В общеевропейском потоке формирования «новой женщины» рассматривает эволюцию социально-политического статуса россиянок известный британский историк Э. Хобсбаум⁴².

В 1990-е гг. тему развития сферы профессиональной деятельности как проявления социальной активности русских женщин продолжили Джейн Макдермид и Анна Хиллар⁴³. В 1994 г. Вильям Вагнер опубликовал первую обобщающую монографию, посвященную развитию гражданского законодательства в имперской России в общем русле либеральных реформ и восприятия современниками женской эмансипации, юридического воплощения того, что уже существовало на практике⁴⁴.

Имперскому периоду в истории женского движения в России, отдельным аспектам социальной адаптации женщин к меняющимся условиям жизни посвящена коллективная монография, объединившая исследования Кристин Воробец, Н. Л. Пушкаревой, Барбары Энгель, Джудит Пэллот, Барбары Клементс, Лауры Энгелштайн и др., к настоящему времени выдержавшая два издания⁴⁵. Дополняет социально-психологический портрет русской женщины XIX в. анализ восприятия в народном православии, публицистике и художественной литературе социокультурного феномена кликушества – одержимости бесами как важной части поведенческих паттернов социальной адаптации⁴⁶.

Таким образом, детальный анализ историографии проблемы позволил сделать заключение о высоком и возрастающем интересе исследователей к

³⁷ Rutheild R. Russian Feminism, 1905–1917. Ph. D. thesis. University of Rochester. 1976.

³⁸ Engel B. A., Rosenthal Cl. (ed.). Fife Sisters: Women Against the Tsar. Boston, 1975. Repr.: Five sisters: women against the tsar: the memoirs of five young anarchist women of the 1870's. New York, 1992.

³⁹ Porter C. Fathers and daughters: Russian women in revolution. London, 1976.

⁴⁰ Edmondson L. H. Feminism in Russia 1900–1917. Stanford, California, 1984; London, 1984.

⁴¹ Glickman R. L. Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley, 1984.

⁴² В своей монографии «Век империи», опубликованной впервые в 1987 г., Э. Хобсбаум посвятил этому вопросу отдельную главу «Новая женщина». См.: Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 283–320.

⁴³ McDermid J., Hillyar A. Women and work in Russia, 1880–1930: a study in continuity through change. London; New York, 1998.

⁴⁴ Wagner W. G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. New York, 1994.

⁴⁵ Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. By B. Clements, B. Engel, C. Worobec. Berkeley, 1991; Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. By B. Clements, B. Engel, C. Worobec. Berkeley, 2023.

⁴⁶ Воробец К. Одержимые. Женщины, ведьмы и демоны в царской России. Москва, 2023.

изучению устремлений и практик социальной активности женщин в пореформенной России; и о зрелости методологических разработок. Вместе с тем одной из ключевых задач современной историографии четко обозначена необходимость регионализации проблемы. Востребованность специальных исследований, способных аккумулировать полученные результаты и представить системную характеристику региональной специфики проявления коллективных и индивидуальных женских инициатив в публичном пространстве, представляется весьма высокой.

Исследовательская проблема данной работы заключается в определении, насколько значимую роль играли женщины и женские объединения в формировании публичного пространства российской провинции второй половины XIX – начала XX веков, как менялись стратегии их самореализации с течением времени. Важной гранью проблемы выступает анализ факторов, приводивших в движение механизмы массового женского участия в проявлениях социального служения.

Целью данной работы выступает системный анализ гендерной специфики формирования публичного пространства в российской провинции (на примере общественных инициатив и практик социального и духовно-нравственного служения, протестной активности женщин в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века).

Реализация поставленной цели достигается посредством решения следующих исследовательских **задач**:

- анализ социально-правового статуса женщины в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.;
- исследование социально-демографических факторов развития модели фемининности в провинциальном обществе;
- выявление репрезентаций фемининности в периодической печати Пензенской губернии;
- характеристика гендерной специфики становления и развития публичного (коммуникативного) пространства в российской провинции;
- комплексное осмысление становления и развития женского образования в российской провинции;
- системный анализ женских практик социального и духовно-нравственного служения в повседневной культуре российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии);
- изучение трансформации дискурса фемининности в период военных конфликтов;
- реконструкция практик социального и духовно-нравственного служения как личной стратегии жизни (на примере деятельности М. М. Киселевой и др.).

Источниковую базу исследования составляет широкий комплекс архивных и опубликованных материалов. Их можно классифицировать следующим образом: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственная документация органов местной власти и управления; 3) статистические материалы; 4) материалы периодической печати; 5) документы личного происхождения.

Анализ *законодательных и нормативных актов* Российской империи позволяет выявить основные принципы государственной политики в отношении «женского вопроса», а также установить характерные черты правового регулирования, отличавшегося выраженной антифеминистской направленностью. Существенное значение имеют акты, определявшие развитие женского образования, в частности Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения 1864 г., Положение о женских гимназиях 1870 г. и утверждённые в 1871 г. изменения к ним, зафиксировавшие постепенное расширение возможностей получения образования женщинами при сохранении ограничений в сфере профессиональной самореализации.

Важнейшее место в корпусе источников занимает *делопроизводственная документация* органов местного управления и общественных организаций, значительная часть которой впервые вводится в научный оборот. Основной массив подобных документов выявлен в фондах Государственного архива Пензенской области (ГАПО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Материалы о деятельности Императорского женского патриотического общества, Союза равноправия / равноправности женщин, данные о революционной активности женщин в российской провинции были выявлены в фондах ГАРФ (Ф. 516, 642).

Ценнейшие данные о разнообразной деятельности М. М. Киселевой дают фонды Российского государственного исторического архива (фонд 1287 – Хозяйственный Департамент МВД, фонд 759 – Собственная е.и.в. канцелярия по учреждениям имп. Марии, фонд 796 – Канцелярия Синода).

Уникальные материалы об участии настоятельниц женских монастырей Пензенской епархии в деятельности Российского Императорского Православного Палестинского общества, их прошения о вступлении в Общество были извлечены из фонда 337/2 Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Из числа фондов ГАПО следует выделить отдельно фонды Канцелярии Пензенского губернатора (Ф. 5), богадельни Александра и Марии Киселевых в г. Пензе (Ф. 88), а также фонды женских светских и духовных учебных заведений (Ф. 139 – Пензенская женская гимназия Е. А. Сердобольской; Ф. 114 ГАПО – Частная женская гимназия Е. П. Шор и М. Ф. Мансыревой; Ф. 104 Пензенская вторая женская гимназия; Ф. 105 – Пензенская женская прогимназия; Ф. 106 – Пензенская первая гимназия; Ф. 226 – Пензенское Епархиальное женское училище и др.).

Не менее информативными источниками выступают *статистические материалы*, содержащие сведения о численности и составе населения, о брачности, динамике развития женского образования, сети благотворительных учреждений и численности их подопечных. Эти данные систематически публиковались в «Обзорах Пензенской губернии» и «Памятных книжках Пензенской губернии», которые позволили проследить количественные параметры изучаемых процессов в их временной динамике.

В исследовании используются *материалы центральных и местных периодических изданий*: «Отечественные записки», «Сельский вестник», «Пензенские губернские ведомости», «Пензенские епархиальные ведомости», «Перестрой». На страницах печатных органов отражались особенности восприятия женского вопроса в российской провинции, что позволяет реконструировать общественные дискурсы.

Значительный эвристический потенциал имеют документы *личного происхождения* – переписка, мемуары, дневниковые записи и прошения женщин во властные и общественные структуры. Они фиксируют повседневные практики, специфику участия женщин в общественной жизни и их субъективные представления о собственном социальном предназначении. Наиболее ярко данный пласт источников представлен эпистолярным наследием М. М. Киселевой, а также воспоминаниями её современников.

Таким образом, привлечение максимально широкого спектра источников обеспечило возможность комплексной реконструкции социально-правового и социокультурного статуса женщины в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв., а также позволило сформировать аргументированную исследовательскую модель и решить поставленные в исследовании задачи.

Методологические основы исследования. В основу методологии исследования положен *междисциплинарный подход* к научному познанию, не только предполагающий применение в историческом исследовании методов других наук, но и позволяющий провести целостное исследование объекта за счет анализа данных, полученных специалистами других областей научного знания.

Исследование основано на гендерной методологии, а также методологии *women studies*. Базу современной гендерной методологии составляет теория социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана⁴⁷, а также этнометодология, предмет которой определяется как изучение методов конструирования, понимания и придания смысла социальному взаимодействию на уровне повседневного общения⁴⁸. Необходимость анализа идей, ценностей, норм, вырабатываемых в границах женского движения, формирует исследовательский запрос к социологическому изучению общественных движений, а также к интеллектуальной истории⁴⁹ и истории повседневности⁵⁰. Теоретические построения *women's studies* строятся на необходимости учета гендерной⁵¹ специфики оценки «женского вопроса», инициированного

⁴⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва, 1995.

⁴⁸ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург, 2007.

⁴⁹ Юкина И. И. Указ. соч. С. 17, 22.

⁵⁰ См., в частности: Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2005.

⁵¹ Понятие «гендер» было введено в широкий научный оборот в 1968 г. психоаналитиком Робертом Столлером, разделившим содержание понятия «пол» на его биологическое проявление – *sex* и социальное – *gender* и заложившего основы современной терминологической практики, в частности, использования понятий: маскулинность и фемининность. См.: Stoller R. *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*.

мужчинами, и «женского движения», рожденного активностью самостоятельных объединений. Одним из средств концептуального обогащения «женской истории» является дихотомия «методологии частной и общественной / публичной сферы»⁵². Основным признаком модернизации публичной сферы считается организационное становление и тиражирование негосударственных объединений, региональный уровень которых рассматривается в исследовании.

Не менее значимым для решения поставленных задач является применение *системного* и *комплексного* подходов, позволяющих рассмотреть женское участие в развитии публичной сферы как многоаспектный комплекс разноплановых факторных характеристик.

Методы исследования. В исследовании используется *проблемно-хронологический подход*, дающий возможность отследить и проанализировать эволюцию основных факторных характеристик на протяжении выбранного хронологического периода. Системный анализ практик социального, духовно-нравственного служения и общественно-политической активности женщин российской провинции во второй половине XIX – начале XX века проведен с опорой на универсальные общенаучные методы (*метод периодизации, сравнительный, метод типологии, структурирования, исторической реконструкции, герменевтический*) и специальные исторические методы (*идеографический* или *нарративный метод, историко-генетический, антропологический, метод синхронизации, классификации, статистический и хронологический методы*). Особое значение для решения исследовательских задач имеет *идеографический метод*, раскрывающий процесс формирования мировоззренческих установок и мотивации поведения выдающихся акторов духовно-нравственного подвижничества и благотворительности, а также *герменевтический*, позволяющий анализировать и интерпретировать тексты с учетом специфики развития общественного сознания и психологии локального сообщества в определенную эпоху.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– на материалах Пензенской губернии разработаны региональные аспекты эволюции фемининности, периодизации развития женского движения, типологии вовлеченности женщин в практики благотворительности, медицинской помощи, религиозной и общественной деятельности;

– предложено содержательное уточнение категории «женское социальное служение», которое рассматривается не только как деятельность в сфере милосердия, но и как форма гражданской ответственности, канал публичного проявления женской субъектности в условиях ограниченных политических прав. Исследованы в сопоставлении две модели женского подвижничества, персонифицированные в фигурах М. М. Киселевой и Л. А. Татищевой и отражающие переход от культурных кодов традиционного общества к

New York, 1968. Чуть позже появляется концепт «Гендерная идентичность». См.: Money J., Ehrhardt A. Man & Woman, Boy & Girl: the Differentiation and Dimorphism of Gender Identity from Conception to Maturity. Baltimore, 1972.

⁵² Федотова А. Ю. Женская общественная деятельность ... С. 187.

культурным кодам общества модерна, от благотворительности как долга – к служению как осознанной стратегии социальной вовлеченности;

- выявлена специфика процесса вовлеченности женщин в формирование публичной сферы в пензенском сообществе;

- охарактеризована роль женщин в условиях адаптации провинциального общества к ситуации экстремальной повседневности;

- обосновано проявление гендерной толерантности как одной из черт провинциальной фемининности.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что в нем разработана объяснительная модель женского движения применительно к истории регионального сообщества, конкретизированы теоретические построения общероссийских процессов в локальной проекции; предложены уточнения периодизации и специфики развития фемининных сегментов публичного пространства российской провинции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты послужат основанием для последующей разработки проблем развития регионального публичного пространства и моделей женской самореализации в российской историографии, концептуализации и создания трудов обобщающего характера, компаративистских исследований, для формирования рекомендаций по вопросам социальной политики в интересах органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам социальной политики. Материалы и выводы исследования найдут свое применение в краеведческой, научно-просветительской и воспитательной работе, а также при разработке учебно-методического обеспечения рабочих программ по истории России и краеведению для образовательных учреждений общего, профессионального и высшего образования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Периодизация развития женского движения в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. в целом соотносится с градацией этапов, разработанной применительно к общеимперскому уровню. Вместе с тем существенный рост социальной активности в провинции фиксируется в более поздний период времени, что позволяет обособить периоды конца 1860-х – 1905 г. и 1905–1917 гг. Критерием деления выступает проявление факторов макроуровня (реализация реформ в сферах: образования, политических прав и свобод). Необходимо отметить, что источником социальной динамики чаще всего выступали инициативы, идущие от государства, извне, либо от общероссийских общественных объединений.

2. Основанием существенного роста проявлений фемининности в публичном пространстве российской провинции выступил высокий уровень религиозности и сохранение преемственности практик социального и духовно-нравственного служения. В условиях эмансипации происходит прежде всего актуализация традиционных форм благотворительной деятельности. Не меньшее значение имел постепенный слом сословной / принудительной корпоративной системы, что подтолкнуло формирование добровольных ассоциаций и стимулировало поиски новых форм самоопределения и самореализации. В

общем ряду факторов необходимо отметить реформы системы образования, отходничество и постепенный рост трудовой занятости женщин в сфере промышленного производства, системе здравоохранения и образования, деятельности государственных предприятий и сферы услуг.

3. Фактором субъективного порядка в развитии пензенской благотворительности и социального служения выступает персонификация подвижничества (реализация личных стратегий) в деятельности М. М. Киселевой (сохранение преемственности традиций доиндустриальной эпохи) и Л. А. Татищевой (трансляция новых поведенческих эталонов общества модерна).

4. Специфика процесса вовлеченности женщин в формирование публичной сферы российской провинции в пензенском сообществе выражена более высокой темпоральностью по сравнению со столицами, малочисленностью по отношению к населению в целом и высокой активностью учащейся молодежи. Политизация женского движения в условиях революции 1905–1906 гг. происходила в провинции быстрее, чем на столичном уровне, что проявилось в участии воспитанниц пензенских гимназий и епархиального училища в акциях антигражданской и экстремистской направленности.

5. В российской провинции более отчетливо проявилась роль женщин как медиаторов в деле мобилизации социальных ресурсов на определение характера и поиск адекватных реакций при появлении угроз (травм) внешнего и внутреннего порядка, как ключевого ресурса адаптации общества к условиям экстремальной повседневности. В годы войн массовый и масштабный характер приобретает солидаризация женщин в деле оказания помощи раненым и больным военным служащим.

6. Одной из характерных особенностей провинциальной фемининности выступает гендерная толерантность, отсутствие стремления к закрытости, обособленности от мужского участия, к преодолению «мужской доминации». Отчасти это объясняется утилитарно-прагматическим подходом к решению проблемы материального обеспечения благотворительной деятельности. Кроме того, провинция оставалась оплотом традиционно-патриархального уклада, блокировавшего противопоставление полов даже на уровне самоидентификации. Маскулинизация фемининности при этом выступала средством, но не самоцелью.

7. В числе объединений, сформировавших упорядоченную целостность женского публичного пространства Пензенской губернии в исторической ретроспективе второй половины XIX – начала XX вв., следует выделить: Пензенскую богадельню имени супругов А. Г. и М. М. Киселевых (открыта в 1859 г.), Общество для поощрения трудолюбия (и ремесленную школу при нем; основано в 1873 г.); Пензенское отделение Общества попечения о больных и раненных воинах Красного Креста (1876 г.); Пензенский дамский кружок (1877 г.); Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Пензенских женских гимназий и прогимназий (1877 г., 1885 г.); Общину сестер милосердия во имя Св. Ольги (основана в 1894 г.); земские общества взаимопомощи (после 1906 г.);

Пензенский дамский комитет (1914 г.); Пензенское отделение Всероссийского союза равноправия женщин (1905 г.).

Степень достоверности результатов исследования определяется видовым разнообразием и полнотой корпуса исторических источников, представленных материалами 31 фонда трех центральных (РГИА, ГАРФ, АВПРИ) и одного регионального архива (ГАПО); обоснованной и апробированной в публикациях предшественников методологией разработки проблемы, творчески адаптированной для региональной историографии; опорой на принципы научного познания: системности, объективности, историзма.

Апробация результатов исследования. По тематике исследования опубликовано 11 научных статей, в том числе 8 статей в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Положения и результаты исследования были представлены и обсуждены в ходе работы 4 научных конференций международного, всероссийского и межрегионального уровня.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов», п. 6 «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», п. 12 «История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов», п. 17 «Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит», п. 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества», п. 24 «История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения» паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и включает введение, две главы, состоящие из 6 параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** диссертации обоснована актуальность темы исследования, дана характеристика степени ее изученности, определены объект и предмет, его хронологические и территориальные рамки, поставлена исследовательская проблема, сформулированы цель и задачи работы, охарактеризованы источниковая база и методологическая основа исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, представлены сведения о степени достоверности и апробации результатов исследования.

В первой главе «Факторы развития фемининности в публичной сфере России во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии)» дается общая характеристика условий трансформации

фемининности в российской провинции под воздействием модернизационных процессов.

В первом параграфе «Социально-правовой статус женщины в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.» отмечается значительный сдвиг социально-правового положения женщин в указанный период от ограниченного участия в общественной и правовой жизни к постепенному расширению гражданских прав. Хотя формально российское законодательство признавало женщин дееспособными, на практике сохранялось множество ограничений, особенно в семейной и имущественной сферах, где согласие мужа оставалось необходимым условием для трудоустройства, вступления в сделки и т.д.

Подчеркивается, что несмотря на отдельные достижения, такие как: возможность выступать опекуном, попечителем, экспертом и даже третейским судьей, сохранялась ситуация гендерного неравенства. Особенно ярко это проявлялось в вопросах наследования, доступа к государственной службе и участия в выборных органах. Женщины могли участвовать в выборах лишь через доверенных мужчин, а правовые инициативы о равноправии зачастую отвергались либо сдерживались Церковью и государственными институтами.

Определено, что процессы социального пробуждения женщин сопровождались ростом самоорганизации и включением в сферу социального служения, образования, медицины и хозяйственной деятельности. Женщины – вдовы, крестьянки, солдатки – становились полноправными хозяйками, участницами сходов и, в ряде случаев, даже лидерами сельских общин.

Во втором параграфе «Социально-демографические факторы развития модели фемининности в провинциальном обществе» анализируются демографические показатели, влияющие на положение женщины в обществе. Пензенская губерния во второй половине XIX – начале XX века развивалась в условиях сохраняющегося патриархального уклада, где семья оставалась основной ячейкой воспроизводства труда, морали и статуса, а женщина воспринималась как неотъемлемая часть сельского быта и демографического баланса. Пореформенная эпоха характеризуется ситуацией демографического взрыва, обусловленной объективными (отмена крепостного права, укрепление общины, развитие земской медицины, рост качества жизни населения) и субъективными факторами (убежденность в возможности «черного передела»). При относительно стабильной или снижающейся брачности это привело к перенаселению деревни, усилившему социальное напряжение и сформировавшему предпосылки будущих революционных потрясений.

Отмечается, что во второй половине XIX века женщины начали активнее участвовать в экономической жизни, особенно в сфере сельского труда, кустарных промыслов, а также в социальной и медицинской деятельности. Всё это способствовало укреплению их роли как важного адаптационного ресурса в условиях медленной урбанизации и низкой индустриализации региона.

К началу XX века и особенно в годы Первой мировой войны усиливается демографический дисбаланс: массовая гибель мужчин, падение брачности и рождаемости приводят к феминизации хозяйственной структуры и социальной

сферы. Женщины стали составлять до 72% трудоспособного населения деревни, что объективно усилило их общественное значение и заложило основу для дальнейших изменений гендерных ролей в российском обществе.

В *третьем параграфе* «Гендерная специфика эволюции публичного пространства в российской провинции» рассматриваются особенности участия женщин в общественной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. Анализ источников показал, что развитие публичного пространства в пореформенной России изначально ориентировалось на гендерную толерантность, что позволяло женщинам органично включаться в существующие формы социального взаимодействия и при этом адаптироваться к правовым ограничениям. Становление женского движения оказалось тесно связано с процессами модернизации и либеральными реформами, создавшими условия для институционализации первых женских ассоциаций.

Особое значение в эволюции женской социальной активности имело усиление патриотического дискурса после Отечественной войны 1812 г., заложившего культурные предпосылки для вовлечения женщин в сферу благотворительности и просвещения. Участие женщин в добровольных обществах постепенно приобрело массовый характер и охватывало широкий круг направлений – от образовательных и медицинских до профессиональных и культурных. Это свидетельствовало о постепенном выходе женщин в публичное пространство и закреплении их роли в региональном социуме.

Фиксируется время политизации женского движения: анализируется оппозиционная активность женщин, деятельность «равноправок».

Революционные события 1905–1907 гг. стали важной школой гражданской активности для провинциальных женщин, позволившей им приобрести опыт коллективного действия и расширить социальные горизонты. Гендерная специфика женских объединений проявлялась не только в их составе, но и в приоритетах деятельности: развитие образования, благотворительности, медицинской помощи и профессиональной подготовки.

Трансформация дискурса фемининности фиксируется в периодической печати российской провинции, о чем свидетельствуют содержание и коннотация публикаций Пензенских губернских ведомостей. «Женская тема» постепенно закрепляется в качестве постоянной рубрики на страницах официальных изданий.

Во второй главе **«Женский опыт социального служения в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Пензенской губернии)»** анализируются мотивация и практики самореализации в публичной сфере провинциальной повседневности.

Первый параграф «Образование для женщин и женские инициативы в сфере просвещения» посвящен изучению сферы женского образования второй половины XIX – начала XX вв. Показано, что именно эта сфера стала важнейшим каналом социальной мобильности и интеграции женщин в публичное пространство. Несмотря на сохранение патриархального уклада, образовательные возможности для женщин постепенно расширялись, что способствовало изменению их социального статуса.

Важным этапом стало появление массовой земской школы в результате реализации Положения о начальных народных училищах (1864 г.). Первые признаки либерализации сферы образования в Пензенской губернии по причине узости материального обеспечения и явного недостатка кадровых ресурсов проявились лишь в начале 1870-х гг. Остро в губернии стоял вопрос женского профессионального образования. Особое внимание уделяется ремесленной школе при «Обществе поощрения трудолюбия», анализируются частные инициативы (например, школа А. А. Оболенской).

В пореформенную эпоху сфера образования становится основной доминантой социального волонтерства и благотворительности (не только через участие в коллективных инициативах, но и через индивидуальные стратегии). Женское участие проявилось в масштабном добровольном жертвовании (М. М. Киселева), а также – в открытии частных школ (О. А. Сердобольская, М. Ф. Мансырева, Е. П. Шор и др.). Женская деловая и социально ориентированная инициатива в деле просвещения прошла в своем развитии путь от учреждения частных пансионов и ремесленных школ до проектов по созданию полноценных гимназий, что свидетельствует о достижении институциональной зрелости женского движения в российской провинции.

Во **втором параграфе** «Трансформация дискурса фемининности в период военных конфликтов» исследуются изменения в социальных представлениях о роли женщины в условиях военных потрясений, что способствовало выходу женщин за рамки традиционного домашнего уклада и формированию нового типа общественного служения.

Участие женщин в деятельности Красного Креста, благотворительных обществ и попечительских советов во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. стало важным этапом в закреплении новой социальной роли. Женщины занимались организацией госпиталей, уходом за ранеными, сбором средств и обеспечением семей военнослужащих.

Идея женской жертвенности и самоотверженности во имя Отечества получила особое распространение в годы военных конфликтов. Подобные представления поддерживались государством, транслировались через прессу и официальную публицистику, становясь частью патриотического дискурса.

Расширение практик женского участия в военное время выходило за пределы традиционной благотворительности. Женщины включались в санитарно-медицинскую деятельность, организацию тылового обеспечения, сбор средств. Это способствовало разрушению жёстких гендерных барьеров и закреплению опыта, который выходил за рамки привычных социальных ролей.

Третий параграф «Практики социального и духовно-нравственного служения в российской провинции» посвящен анализу женских инициатив на социально-поощряемом поприще.

После принятия Положения о губернских и уездных земских учреждениях, а также Городового Положения реализация функции социального обеспечения была возложена на земские учреждения и учреждения городского самоуправления. Упразднение Приказов общественного призрения расширило возможности участия частных лиц и общественных объединений в деле

социального обеспечения. Отмечается роль Русской Православной церкви в деле раскрепощения инициативы социального служения (особенно заметная в генезисе женских общин и монастырей). Формами монастырской благотворительности являлись: открытие школ, содержание богаделен, а с 1890-х гг. – поддержка Православия в Св. Земле и русского паломнического движения.

Массовые формы благотворительная деятельность пензенских попечительниц приобретает в голодные 1891–1892 гг. Пензенские женщины открывали столовые, а также выступали посредниками правительственной помощи голодающим.

Эталонным образцом поведения стали инициативы М. М. Киселевой. Уделяется внимание особо значимым проектам пензенской помещицы: храмостроительство, пожертвования Русской Духовной миссии, открытие богадельни в г. Пензе, помощь общинам и монастырям. Мария Михайловна была действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества, а в 1881 году Киселеву избрали почетной гражданкой Пензы.

В *«Заключении»* подведены итоги диссертационного исследования и сформулированы основные выводы.

В контексте перехода российского общества от традиционного к обществу модерна стремительная женская эмансипация и рост гражданской активности отражают один из системных адаптационных ресурсов российской цивилизации.

Предпосылками существенного роста проявлений фемининности в публичном пространстве российской провинции выступил высокий уровень религиозности и сохранение преемственности практик социального и духовно-нравственного служения. Существенную роль сыграли либеральные инициативы правительства; велико влияние демографического фактора. Накопительный эффект факторам эмансипации женщин обеспечило становление системы женского образования, а также постепенный рост трудовой занятости женщин в сферах государственного управления, промышленного производства, здравоохранения, образования, услуг.

Мощнейшим катализатором процессов социокультурного перехода становятся военные конфликты индустриальной эпохи. Установлено, что начало Первой мировой войны способствовало расширению масштабов и демократизации благотворительной деятельности. Отмечено возобновление деятельности дамского комитета под председательством жен губернаторов. В состав Пензенского педагогического комитета помощи пострадавшим от войны вошли начальницы женских учебных заведений, а также многие преподавательницы учебных заведений, что свидетельствует о гендерном паритете в провинциальной системе образования. С другой стороны, в период Первой мировой войны отмечено снижение значения женских ассоциаций оказания помощи раненым и больным воинам на фоне укрепления роли земских и городских органов самоуправления.

Женское движение в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. эволюционировало от традиционного формата социального волонтерства к институционализации сегмента либерального направления, что проявилось в формировании горизонтальной сети ассоциаций (в том числе и

религиозных), в проявлении масштабных индивидуальных инициатив (М. М. Киселева, Л. А. Татищева и др.), оказании помощи голодающим и т.д. Блокировка возможностей для дальнейшего профессионального роста и социальной мобильности (при высоком уровне религиозности общества) послужила фактором политизации женского движения в период Первой российской революции 1905–1907 гг. Для российской глубинки было характерным следование в общем русле общеимперских процессов, хотя и с некоторым запозданием, что позволяет выделить периоды развития женского движения: конец 1860-х – 1905 г. и 1905–1917 гг.

Выявлен «женский» фактор роста погромных настроений в российской провинции в 1916 г., рассмотрены формы участия женщин в демократическом движении 1917 г.

Установлено, что одной из характерных особенностей провинциальной фемининности выступает гендерная толерантность, отсутствие стремления к закрытости, обособленности от мужского участия, к преодолению «мужской доминации». Отчасти это объясняется утилитарно-прагматическим подходом к решению проблемы материального обеспечения благотворительной деятельности. Кроме того, провинция оставалась оплотом традиционно-патриархального уклада, блокировавшего противопоставление полов даже на уровне самоидентификации. Маскулинизация фемининности при этом выступала средством, но не самоцелью.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В ПУБЛИКАЦИЯХ

***Статьи в рецензируемых научных журналах, перечень которых установлен
Министерством науки и высшего образования Российской Федерации:***

1. Коблова, Н. А. Паломничество в Святую Землю и российская провинция на рубеже XIX–XX вв.: источниковедческий потенциал Пензенских епархиальных ведомостей // С. В. Домнин, О. А. Сухова, Н. А. Коблова // Вестник архивиста. – 2023. – № 3. – С. 713–725. (0, 75/0, 25 п. л.)

2. Коблова, Н. А. Церковно-благотворительные учреждения Пензенской епархии по призрению православного духовенства и их семей во второй половине XIX – начале XX вв. / О. В. Колпакова, А. Б. Шигурова, Н. А. Коблова // Былые годы. – 2023. – № 18 (3). – С. 1243–1252. (1,1/0,3 п. л.)

3. Коблова, Н. А. Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XX вв.: на примере деятельности М. М. Киселевой / Н. А. Коблова, О. В. Колпакова, О. А. Сухова // Былые годы. – 2023. – № 18 (4). – С. 1809–1817. (1/0,25 п. л.)

4. Коблова, Н. А. «...Желая отправиться на поклонение Святым местам»: социальный портрет паломника второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Пензенской губернии) / Н. А. Коблова, О. В. Колпакова, О. А. Сухова // Былые годы. – 2024. – № 19 (2). – С. 823–830. (0,9/0,3 п. л.)

5. Коблова, Н. А. Практики социального служения в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. (на примере Пензенского отделения Общества попечения о больных и раненых воинах и общины сестер милосердия) / Н. А. Коблова // Былые годы. – 2024. – № 19 (4). – С. 1795–1804. (1 п. л.)

6. Коблова, Н. А. Благотворительная инициатива и формирование образовательной среды в России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Пензенской губернии) / Н. А. Коблова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2025. – № 1. – С. 89–99. (0,7 п. л.)

7. Коблова, Н. А. «На алтарь Отечества»: Женщины Пензенской губернии в годы Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) / Н. А. Коблова // Центр и периферия. – 2025. – № 2. – С. 16–22. (0,8 п. л.)

8. Коблова, Н. А. Пензенская Киселевская богадельня: история и социальное значение (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. В. Колпакова, Н. А. Коблова // Былые годы. – 2025. – № 20 (2). – С. 952–959. (0,9/0,4 п. л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

9. Коблова, Н. А. Практики социального служения провинциальных дворянок (на примере деятельности М. М. Киселевой) / Н. А. Коблова // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 5-8 октября 2023 года, Кострома : в двух частях / Российская ассоциация исследователей женской истории [и др.] ; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко. Ч. 2. – Москва: ИЭА РАН, 2023. – С. 261–264. (0,2 п. л.)

10. Коблова, Н. А. Пензенская Киселевская богадельня: организация быта призреваемых / Н. А. Коблова // История благотворительности и социальной защиты в российской провинции XIX – начала XX века. К 225-летию со дня рождения М. М. Киселевой: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Пенза, 27 июня 2023 года. – Пенза, 2023. – С. 68–74. (0,8 п. л.)

11. Коблова, Н. А. Женское лицо пензенской благотворительности: формы духовно-нравственного служения во второй половине XIX – первой четверти XX в. / Н. А. Коблова // Женское наследие в культурах народов России и мира. Материалы XVII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. проф. Н. Л. Пушкарева: в 2-х ч. – Москва: ИЭА РАН, 2024. – Ч. 2. – С. 347–350. (0,2 п. л.)